

МАГИЯ  **ФЭНТЕЗИ**





Игорь НЕГАТИН

ПСАРЬ

Роман

Москва, 2014
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»



УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н41

Серия основана в 2004 году
Выпуск 526

Художник
И. Воронин

Негатин И. Я.
Н41 Псарь: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 344 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1739-1

Сергей Вьюжин — обычный московский служащий. Работа, мотоцикл и дорога — это все, чем заполнена его жизнь. Но один день перевернет привычный ход времени.

Авария, беспамятство... и перед глазами возникнет новый и неизведанный мир. Бред? Мираж? Нет, это иное время.

Добро пожаловать, странник! Ты угодил в другой мир. В Средневековье. В мир, где рядом с людьми живут гномы, эльфы, орки и даже драконы. А еще здесь существует легенда о людях из других миров. О тех, кого в этом мире называют рыцарями Черных Псов. О воинах, ниспосланных богами, чтобы очистить мир от скверны: нежити и нечисти, заполонившей эти земли. О тех, которые творят «беззаконие ради закона». И ты вынужден стать одним из них.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1739-1

© Негатин И. Я., 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

По пятницам все конторы одинаково бесполезны.

Бесполезны независимо от рейтинга, оборота, величины уставного капитала и маникюра у секретарш. Офисный планктон радостно надувает щеки в предвкушении выходных и тупо пялится в мониторы, где ни черта не видит, кроме зыбкого миража безделья и предстоящих выходных. Все социальные сети (даже вусмерть замученные одноклассники точка ру) беспомощно зависают в бесцельной попытке соединить всех служащих в одно конторское «нечто». Нечто, которое мечтает лишь об одном — побыстрее вырваться из этих скучных кабинетов и дорваться до ближайшего клуба, бара или ресторана. Нужно, как говорится, подчеркнуть.

— Серега, тебя генеральный вызывает, — обрадовал меня коллега. Он скорчил скорбную, полную трагизма физиономию и застыл как столб в узком проходе между столами. Кстати, его зовут Денис. Один из ведущих программистов нашего отдела. Внешне — нечто среднее между советским Шуриком из комедий Гайдая и Джимом Керри из голливудской фабрики грез. Парень неплохой, но иногда его заносит, и Денис начинает придуливаться. Особенно по пятницам, ближе к обеду. Вот и сейчас — он вздернул себя за галстук, изображая повешенного. Потом воскрес и как ни в чем не бывало продолжил беседу:

— Старик принял виски, оприходовал Настеньку и теперь, как всякий порядочный упырь, жаждет нашей крови.

— Нашей?

— Твоей, — уточнил коллега и злобно ощерился.

— Во мне нет крови. Ее досуха выпили тетки из бухгалтерии. Еще в среду.

— Увы, мой бедный друг! — сказал он и прижал руки к

груди. — Знаю и, поверь, искренне сочувствую. Но бог с ними, этими цифирными! Сегодня твоя очередь бросаться с гранатой под танк и закрывать амбразуру своей широкой грудью! Спасешь наш маленький, но, не побоюсь этого слова, очень дружный коллектив. Все, хватит разговоров! Отчет распечатан и ждет!

— Денис, будь другом, — буркнул я, — заткни фонтан! Без тебя тошно.

— И ты не одинок в этом чувстве! После визита Насти наш шеф совершенно раскис. Он сидит весь такой одинокий и холодный. Как айсберг. Сосет виски и пускает слюни на документы из бухгалтерии. Тебе его не жалко? Мне — жалко.

— И откуда ты все знаешь? — вздохнул я.

— Служба у нас такая. Всё и про всех знать. Кстати, а ты Наталью из отдела маркетинга видел? Новенькая. Светленькая такая. Безгрудая. Так вот...

— Уймись! — хмуро покосился я на него и, поморщившись, поднялся из-за стола. — Где отчет?

— Изволь! — Денис протянул папку и дурашливо склонил голову. — Вперед, мой друг! Вас ждут великие дела! Родина вас не забудет!

На прощанье он еще и каблуками щелкнул. Да, наш Денис прирожденный клоун. Но и профессионал отменный. Так что приходится мириться с его шутовством и многословием, чтобы восторгаться талантом программиста.

Через полчаса меня почти уволили. Или пригрозили «уволить к чертовой матери», что ничего не значит. Самое смешное, милые мои, что в этом нет ничего удивительного. Наш дорогой шеф регулярно меня увольняет. Раз в месяц. Как и всю нашу команду. Он трясет всеми подбородками сразу, брызжет по сторонам ядовитой слюной (от которой вянут цветы в коридорах) и машет руками. Право слово — как ветряная мельница. Очень пухлая мельница. Эдакий Карлсон, но без моторчика. Какой в увольнении толк? Никакого. Просто человек срывает злость на подчиненных. У него после «совещаний» с нашей секретаршей Настей всегда высокое давление и плохое настроение. И чем короче «совещание», тем злее шеф. Это плохо. Совсем девочка не старается. Вот

вернется его жена и устроит Насте головной убор за то, что та плохо «работает». Даром, что ли, подбирали эдакую... куклу.

Кстати, в понедельник шеф даже не вспомнит, кого в пятницу увольнял. Рекорд нашей фирмы — пять уволенных. За день. Если не ошибаюсь — полгода тому назад. Однажды, когда народ готовился к Новому году, наш дорогой шеф допился до чертиков и одним махом уволил пятерых. В том числе главного бухгалтера, администратора, меня, охранника и личного водителя. Хотел уволить и заместителя, но тот праздновал в отделе продаж и нагло игнорировал телефонные звонки.

Когда директор закончил праздновать Новый год и проспался, был сильно расстроен, что никто не спешит отвезти его на службу-с. Позвонил в администрацию. Обошлось без жертв. Разбуженному водителю объяснили, что увольнение, это так... традиция такая. Корпоративная. Водитель работал у нас недавно и, увы, еще не знал всех хитростей нелегкой службы.

Так что, милые мои, ерунда все это. Если кто и может «отлучить от должности», так это наш настоящий хозяин. Если быть предельно точным — хозяйка. Это железная леди! Она же по совместительству и жена директора. Хозяйка — серый кардинал, обладающий неограниченной властью. В данный момент мадам отдыхает в Куршавеле. Нежится в компании очередного любовника и уж точно не вернется в столицу раньше положенного.

Кстати, даже в ее отсутствие мы честно трудимся. Трудимся, а не просто изображаем Труффальдино из Бергамо, который имел двух господ сразу. Наш шеф если и выползает из кабинета, то видит обычную картину: все заняты, что-то делают, но что именно — для него непонятно. Естественно, это его злит. Он приходит в бешенство, и начинаются репрессии.

Извините, я немного отвлекся. Сидеть в кабинете директора и размышлять о посторонних вещах — непозволительная глупость. Можно упустить очередной перл, который превратится в анекдот «для служебного пользования». Денис, кстати, их коллекционирует.

— Вы меня слушаете, Сергей?! — взвился шеф. Он изво-

лил взять в руки принесенную мной папку и жажнуть ею по столу. Да так жажнуть, что листы из отчета разлетелись в разные стороны. Ничего, уборщица у нас старательная. Уберет. Вместе с пустыми бутылками от виски и окурками, испачканными в губной помаде.

— Конечно, шеф, — кивнул тут же. — Я весь внимание.

— Ни хрена вы меня не слушаете! Слушаете, но не слышите! — Каждое слово он чеканил отдельно, облекая в мощную броню. — Что вы там в своем отделе себе позволяете?! Вы должны защищать! Сдохнуть, если понадобится, на этом переднем крае... И чтобы ни шагу назад! Вы понимаете, что это такое?!

Слов ему мало. И поэтому каждую свою фразу директор каждый раз подкрепляет ударом по столу. Кулачок у шефа маленький, пухлый и розовый. Как нос у поросенка.

— Чтобы к понедельнику, — он опять начал рубить воздух, — было сделано! И сразу ко мне! Краткий и четкий рапорт. Без лишних слов и прелюдий! Раз, два — и свободны, как сова в полете! Идите и работайте.

— Завтра суббота, — напомнил я.

— Значит придется работать в субботу, если вам рабочих дней не хватает! Ступайте!

Махнув рукой, шеф вальяжно развалился в необъятном кресле и театрально подпер щеку рукой. Надо понимать, что пытался изобразить умудренного опытом вождя, который видит все на метр в глубину. «И потом глыбже и глыбже!» — как любит говорить наш офисный охранник, рассказывая про очередное свидание с очередной пассией.

Я вышел из кабинета директора, подмигнул Настене, раскладывающей пасьянс, и лениво пошел по стремительно пустеющему коридору. Пятница... Перекинулся парой слов с коллегой, щелкнул замком модуля и открыл дверь в кабинет. Работать? Нет уж, увольте! Даже не подумаю. На часах уже пятнадцать нуль-нуль. Пора валить из этого притона гламурных дев и стареющих нимфеток.

Пока я выслушивал нашего директора, коллеги сделали верный вывод и смылись домой. Оставив после себя стойкий запах молотого кофе и аромат трубочного табаку. Курить в

офисе запрещено, но у нас отдел специфический. Нет входа для посторонних. Запрещено-с! Посторонний человек не предусмотрен служебными инструкциями! Выход прямо и направо. Да, охранник вас проводит. До свидания!

Поэтому мы и курим на своих рабочих местах, и кофе с коньячком употребляем, и вообще — не скучаем. Покосившись на часы, я прошел в комнату для отдыха. Работа у нас нервная, иногда сутками зависаем. Поэтому, надо отдать должное хозяйке, здесь есть все необходимое. Даже душ и небольшая кухня. Хозяйка, в отличие от директора, очень умная женщина.

Ополоснувшись в душе, я убрал деловой костюм в шкаф и вытащил тяжелый чехол. На свет появились байкерская кофуха, жилет и кожаные штаны. Там же висела и «черепашка». Да, на мотоцикле я езжу в защите. В моем почтенном возрасте это позволительно. Потому что тело у меня одно и другого не выдадут. Даже если очень попросишь. Термобелье, защита, толстовка, брюки, сапоги, куртка, жилет. Поверьте, надевается гораздо дольше, чем пишется. Тем более — жилет. Он у меня особый, сделанный по заказу. Пятимиллиметровая кожа. Эдакий байкерский бронежилет, стянутый по бокам ремнями. На спине рукой искусного мастера нанесен рельефный рисунок. Профиль злобно оскаленного волка. Эдакий милашка получился, только держись. В смысле — руки держи подальше, а то откусит ненароком. На груди: имя, фамилия и группа крови. Никаких клубных нашивок по причине отсутствия оногo. Последним из шкафа достал шлем. Здесь ничего особенного. Обычный, араевский, три четверти, черного цвета. Вещи, необходимые для поездки, давно лежат в кофрах мотоцикла. Стоянка у нас подземная, хорошо охраняемая, так что бояться нечего. Вроде ничего не забыл. Рассовал по карманам полезную мелочь и вышел из кабинета. Все, у меня выходной. Заслужил.

Если вы ожидаете увидеть «Харлей таки Дэвидсон», то вынужден вас разочаровать. Нет, если захотеть, то можно его взять. Можно. Но мне не хочется. Привык к своему байку, как ковбой привыкает к своей лошади. И что бы ни случилось — в этом тандеме нет лишних. Я выбираю дорогу и берегу мотоцикл, а мотоцикл бережно, без сбоев и поломок, везет

мое тело. Байк, а если быть точным: Yamaha XVS 1100 Drag Star Classic. Надежный, как автомат Калашникова. Я знаю его характер, он знает мой, и мы живем душа в душу.

Откуда у мотоцикла душа? Это, извините, любой байкер подтвердит. Будь он любителем тяжелых чопперов или обычным «хрустиком» на спортбайке. Мотоцикл — живой. Точка. Он живет рядом с вами. Дышит тем же воздухом, что и вы. Чувствует биение вашего сердца, как вы чувствуете работу его мотора. Этого не объяснить. Это надо почувствовать. Один раз и, как правило, навсегда!

Пока я буду выкручивать из этого шумного, забитого машинами города, смотреть особо не на что. Многополосные пробки, многоголосый шум перебранок и скандалов. Нам торопиться некуда, но и стоять нечего. Поэтому осторожно лавируем между машинами и пробираемся вперед. Не езда, а перемещение. Из точки «А» в точку «Б». Движение в неподвижном потоке машин. Это исконно русская привычка такая: собраться всем вместе и никуда не ехать.

В пробках всегда есть чем заняться. Читать, целоваться, скандалить или драться. Как ни крути, но чистить друг другу морды — это тоже наша исконная забава. Без всякой обиды. Потому что скучно, а жена названивает и портит нервы. И теща стерва, и власть достала. Кулаки чешутся. А вокруг, если внимательно осмотреться, всегда найдется сочувствующий, который тоже устал от жизни и не прочь размять кости. Слово за слово, и вот, извольте: мужики уже держат друг друга за грудки, выясняя мелкие проблемы бытия.

Пробки бесконечны и демократичны, но и скучны до одури. Вот поэтому я жутко не люблю весь четырехколесный транспорт. Когда сезон подходит к концу — ставлю мотоцикл на зимнюю квартиру и переселяюсь в душную утробу метро.

Пока я буду пробираться между машинами, можем познакомиться. Меня зовут Сергей Вьюжин. Мне тридцать лет, разведен, детьми не обременен. Рост: под метр девяносто. Вес: сотня плюс-минус несколько килограмм. Волосы черные, с легкой проседью. Глаза карие. Кожа смуглая. В рабочее время занимаюсь информационной безопасностью в на-

шей дорогой и жутко любимой конторе. Я, как бы это вам объяснить, администратор «вынужденных решений». Иногда приходится обеспечивать безопасность данных не только виртуально, но и реально.

Закончил университет, а потом служил в армии. Время, проведенное в Забайкальском военном округе, как-то стерлось из моей памяти. Осталось несколько армейских приятелей, с которыми изредка переписываемся, обмениваясь редкими новостями.

Уже начало смеркаться, когда наконец выбрался из душных объятий столицы. Мелькнула знакомая бензоколонка на пересечении с Рижской трассой. Здесь уже можно вздохнуть свободнее. Включить музыку и под сочный бас кобровских прямотоков насладиться дорогой.

Не получилось...

Последнее, что я успел заметить, — это здоровый джип, вылетающий на трассу с узкой второстепенной дороги. Заляпанный грязью, словно только что вырвался из преисподней. Мелькнула удивленная харя водителя за стеклом, и в моем горле застыл крик, разорванный страшным ударом. Калейдоскопом пронеслись какие-то видения. Еще удар! Закружилась темнота, мерцающая цветными сполохами звезд. Все — мир перестал существовать.

2

Сознание возвращалось медленно. Словно оттягивало встречу со страшной реальностью и лишь поэтому не отпускало из трясины забытья. Как бы там ни было, но жизнь брала свое. И окружающий мир обрел звуки и краски. Появились запахи. Они были чужими и незнакомыми. Пряный аромат, который напоминал о горных долинах. Странно. Я ждал другого возвращения. С едким запахом гари, сиренами «скорой помощи» и вкусом крови. Боли не было. Почти не было.

В тот момент я почувствовал, что кто-то теребит меня за рукав. Открыл глаза и увидел ворона. Большого иссиня-черного ворона, который сидел на земле рядом с моей рукой и дергал за блестящую застежку-молнию на манжете. Даже когда я шевельнулся, ворон не улетел. Важно отошел в сторо-

ну и покосился черным глазом. На левой лапе блеснуло маленькое кольцо из белого металла. Заметив признаки жизни, птица обиженно каркнула и наконец улетела, тяжело взмахивая крыльями. Бред какой-то...

Я лежал на боку. Одна рука затекла и плохо слушалась. Как-то умудрился сесть и обвел взглядом окрестности. Жутко болела голова. Вспомнил аварию и поморщился: удивительно, что голова вообще на месте! Шлема нет. Даже подшлемник сорвало. Еще бы — такой удар! Нет, я все-таки брежу... Вместо летнего Подмосковья увидел далекие горы с белыми шапками заснеженных вершин и большой зеленый луг с разноцветными пятнами бутонов. Зелень была такой яркой и сочной, что я зажмурился. Бред. Но когда еще буду так красиво бредить? Надо любоваться, пока не очнулся в белых полях Склифосовского. В лучшем случае.

Открыл глаза и прищурился. Яркий солнечный свет ударил по глазам и тотчас обернулся жестокой головной болью. Надо вставать. Тело слушалось плохо, но чего только в бреду не сделаешь. А это значит, что можно не обращать внимания на мелочи.

Попытался подняться на ноги. Получилось скверно. С третьей попытки. Повело в сторону, и я опять завалился на бок, издавая хрипящие звуки. Какой-нибудь добрый человек, окажись он рядом, перевел бы этот хрип на общедоступный русский язык. Матерный. Потом помог бы подняться и посочувствовал. От вас, конечно, этого не дождешься. Ни помощи, ни сочувствия. И уж тем более перевода. Полежал несколько минут, успокоил колотящееся сердце и повторил попытку. Утвердился на ногах и осмотрелся еще раз.

Позади меня, метрах в тридцати, шумел морской прибой. Волны бросались на узкую полоску пляжа, растекались белой пеной и отступали, ворча от бессильной злобы. Вдоль берега виднелись беспорядочные нагромождения камней.

— Это не похоже на преисподнюю, — сказал я.

Сказал вслух. Голос был слабый, но хорошо знакомый. После всего увиденного ноги слегка дрожали, и я решил не рисковать. Лучше присесть, пока держат. Сел на землю и начал осматриваться.

То, что это не тропики, и так понятно. Море даже по виду холодное и неприветливое. На Северное похоже. Смотришь и зябко становится. Цветущий луг, зажатый серыми гранитными скалами, на котором я так «уютно» устроился, к берегу сужался. Узкая полоска пляжа усеяна мелкой галькой. Все это напомнило Норвегию. Был там год назад. Собрались, повесили рюкзаки на байки и махнули к мысу Нордкап. Хорошая была поездка. До сих пор вспоминаем. И если бред оформлен под мои воспоминания, то где мои приятели, наши подруги и главное — где мотоцикл?!

Мотоцикла не было. Я бродил кругами, тупо разглядывая землю, пока не заметил два черных пятна. Первым пятном оказался шлем. Почти целый. Только визир разбит. Видимо, сорвало от удара и он отлетел от места падения. Вторым пятном были два кожаных кофра. Обычные чересседельные сумки. На левом кофре красовалась такая же волчья морда, как и на жилете. Как их сорвало с байка, — ума не приложу. Это значит, что при ударе снесло седло. Представляю, как выглядит весь мотоцикл! Но в моей ситуации это хорошо. Вещи какие-никакие, а есть. Что там внутри лежит — не помню. Потом посмотрим.

Руки дрожали. Голова шумела в такт прибору. Дотронувшись до лица, почувствовал корку засохшей крови. Вся щека в крови. Ну вас к дьяволу всех... Хотел себя ущипнуть, но онемевшая рука начала отходить и отозвалась уколами тысяч иголок. Если это не бред, то где я? Как сюда попал?! И главное — как отсюда выбраться?!!

Подобрав вещи, я спустился к воде. Шипя от боли, умылся. Взял сумки, шлем и побрел вдоль берега в надежде найти помощь. Если не людей, то хотя бы дорожный указатель или плакат для туристов. По крайней мере, с местом определюсь.

Через триста метров повезло. Набрел на древние, как дерево мамонта, развалины башни. Время их сровняло с землей, и только одна обращенная к морю стена высилась над грудой камней. Как коготь огромной хищной птицы. Нет, я не знаю, что это такое. Понятия не имею. В архитектуре не силен, а уж в истории — тем более. Кстати, меня всегда поражали люди, которые умудрялись держать в голове сотни исторических фактов, дат и событий. Я бы так не смог.

Башня была сложена из дикого, слегка обтесанного камня. Обычные развалины. Такие места обожают посещать туристы и тихие влюбленные парочки. Туристы фотографируют и восторгаются, а влюбленные портят камни надписями и целуются.

Туристов видно не было. Влюбленных парочек — тоже. Зато я нашел дорогу. Ну что вам сказать про эту «дорогу». Асфальта не имелось. Вид ее, скажу честно, меня обрадовал. Похоже, что дорога наша — российская. Еще бы с морем разобратся. Мелькнула слабенькая мысль, что я загремел в какой-то другой мир, но догадку после нескольких секунд раздумий отбросил далеко в сторону. Такими вещами лучше не шутить. Сюда бы нашего программиста закинуть. Да, того самого Дениса. Он любит читать про приключения и мечтает влипнуть в другое измерение. Вот бы радовался. А мне и дома неплохо. Без приключений.

Вышел на дорогу и побрел дальше. Дорога шла вдоль берега, огибая громадные валуны. Луг, на котором я очнулся, остался позади, а скалы подступили вплотную к дороге. Теперь по левую сторону высились серые утесы. Иногда они обрывались, обнажая небольшой пяточок каменистой земли, заросший кустарником. Порхали мелкие, напоминающие воробьев птицы. Пляж исчез. На берегу был виден мощный гранитный пласт, уходящий в море. Вдоль этих плит темнели продольные канавки, прорезанные вечным прибоем. Между камнями виднелись узкие полоски песка. Песок, как и вся северная природа, был крупным. Не наблюдалось здесь легкомысленных тропических песков: мелких и блестящих, как белое золото. Песок был серым. Суровым. Под стать окружающей природе.

На камнях, обросших пучками водорослей, заметил несколько птиц. Пернатые ходили на обычных земных чаек. Идти к морю, рискуя сломать шею, чтобы рассмотреть местную фауну, желания не возникло. Дорога извивалась между узкими проходами и валунами. На камнях, цепляясь жилистыми корнями за серый гранит, росли неизвестные мне растения. Да, с ботаникой у меня тоже плохо.

Минут через двадцать из-за поворота показался мужик

верхом на лошади. Он выехал на меня так неожиданно, что я растерялся. Кого угодно ожидал встретить, но не всадника.

— Эй! — Я махнул рукой. Судя по всему — местный. О том, что моя улыбка вкупе с разбитой физиономией может испугать любого аборигена, даже не подумал. Что они, морд разбитых не видели? Чем ближе подъезжал всадник, тем больше я удивлялся. Непохоже это на Россию. Даже на краю света.

В седле сидел упитанный мужчина лет сорока пяти. Упитанный — это мягко сказано. Он казался жирным, как кабан. Но это еще ничего. Мужчина был одет в какую-то грязно-серую, похожую на сутану, хламиду. Вместо ремня виднелся кусок веревки. Мало того! На голове у этого мужика сверкала тонзура.

Или актер, или... Подходящих мыслей не приходило в голову, и я даже замер, пока он подъезжал ближе. Вид, несмотря на грязь, у мужчины был важный. Он скользнул по моей фигуре равнодушным взглядом и натянул поводья. Лошадь не отреагировала. Видимо, она прекрасно знала характер своего владельца или относилась к жизни как истинный философ. Головой тряхнула, но ходу не прибавила. Мол, слышу, спешу и падаю. Я сделал шаг вперед и хотел заговорить, но «монах», словно предвосхищая мой вопрос, махнул рукой. Он что, придурок долгополый, благословить меня решил?! В роль вжился?! Видимо, на моей физиономии было хорошо написано, о чем я думаю. Он взмахнул рукой еще раз, покопался где-то на пузе и показал нечто, похожее на монету. Потом швырнул ее на дорогу и хлестнул лошадь. В этот раз животное решило не спорить и перешло на тряскую рысь. Бежать за ней желания не было. Да и сил тоже. Вот козлина...

Немного подумав, я все же вернулся и поднял эту брошенную монету. Черт с ним, с этим безумцем, но деньги — это источник информации. Пусть и в виде подачки.

Монета оказалась серебряной. Это меня удивило. Разбрасывать серебро у нас не принято. Нигде не принято. Тем более просто так. Монетка была небольшая. Размером с ноготь моего мизинца. Края монеты грубые, словно кто-то жажнул молотком, и все. На реверсе виднелись непонятные значки. Аверс украшало корявое изображение всадника на лошади. Нет, на Георгия Победоносца не похоже. Всадник, и все. Без

копья и змея. Спасибо и на этом. Вариантов стало еще меньше... Точнее — два.

Первый вариант — после удара я потерял память, чем и воспользовались нехорошие дяди. Отвезли меня черт знает куда и выбросили. Слабая версия, но за неимением лучшей сойдет и эта.

Второй вариант — тут я, что греха таить, немного завис. Стоял и разглядывал древнюю монету, которая никак не походила на вещицу из антикварной лавки. Как бы вам объяснить... Слишком она свежая была, эта монета! Потертая, в меру поцарапанная, но не старинная.

Оставалось... Дьявольщина... Попал в другое время? Но куда? Как?!!

Нет, книжки я изредка почитываю. В том числе и современную фантастику. Знаю, что любой уважающий себя попаданец — это крутой спецназовец с блестящей внешностью и десятком вус'ов. И проваливается этот уникам (с вероятностью девяносто девять процентов) прямиком в одна тысяча девятьсот сорок первый год. Потом, как ни крути, вариантов практически не остается: Москва, Кремль, и — на прием к товарищу Сталину. Рассказать о грядущей войне. Похода ввести промежуточный патрон и начертить автомат Калашникова. Потом, оприходовав несколько сексапильных дамочек, спасти мир от козней британской разведки. Закончить войну генералом или, на худой конец, скромным героем — человеком, повернувшим историю вспять. Ну и перепеть Высоцкого, конечно. Если время останется. Но это понятно, это наш мир! Пусть прошлое, но наше! Родное! А это что такое?! Да и я далеко не уникам! И на гитаре играть не умею. Нет, парни, так дело не пойдет! Как поется в одной песне: «Какой ты на фиг танкист?»

Я засмеялся. Смех был нервный. Как последний дурак, сидел на земле, рассматривал этот кусочек металла и ржал. Все собралось в одну кучу: авария, неизвестное побережье и монах с серебряной монетой. Ко всему прочему опять заболела голова, а потом и вовсе стошнило. Отплевавшись, опять побрел к морю.

Умывшись, открыл один кофр. Там поверх пакета с веща-

ми лежала бутылка с водой. Остальные вещи не рассматривал, но вода пригодилась. Потому что пресных источников не видел, а пить жутко хотелось. Попил, покурил и, немного отдохнув, отправился дальше. Хватит с меня версий и приключений. Я домой хочу. И чем быстрее, тем лучше.

Вышел на дорогу и пошел. Примерно через час выбрал на небольшой пригорок. Дорога расходилась в три разные стороны. Камня с грозными надписями видно не было. Немного подумал и побрел по той, которая больше укатана.

3

Я здесь уже двое суток. Первую ночь провел у костра. Отошел в сторону от дороги, разжег огонь. Попил водички и вырубился. Костер потух, и под утро я здорово продрог. Судя по всему, еще и простудился. В сумке нашел несколько шоколадных батончиков, которые слегка подбодрили, и фляжку с коньяком. Там же обнаружилась походная аптечка с бинтами и лекарствами. Единственное, чего там не было, так это какой-нибудь таблетки, которая могла прервать этот бред и вернуть в привычный мир.

Следующие сутки находился в состоянии, близком к помешательству. Потому что понял одну вещь. Это не наш мир! Почему? Потому! Когда начало смеркаться, на небе появилось три луны. Все разного размера и цвета. Когда это увидел, думал, завою. От безысходности и тоски. Сначала решил — мираж, но потом, изучив звездное небо, понял, что ошибаюсь. Ничего общего.

Все, приехали... Это другой мир.

Точка.

Помню, что одна норвежская дама, когда мы там путешествовали, утверждала, что чем дальше на север, тем люди теплее. Может быть. Но это не Норвегия. Это хрен знает что. Хоть и похоже. Тьфу, паскуда!

На этот дом набрел утром. Еще не перевалив через горку, почувствовал запах дыма, а потом услышал звонкий металлический перестук. Знаете, как в кузнице молотками стучат? Вот именно. Плохо другое. В низине, откуда только что выбрался, протекал широкий ручей. Там я поскользнулся на

камне и скатился в грязь. Поэтому и видок у меня был — представить страшно. Ни дать ни взять — Адам: сплошная глина! Вот по одежде меня и встретили.

Обычный норвежский домик. Ну хорошо — дом, похожий на него. Деревянный сруб. Окна небольшие, смахивающие на бойницы. Одноэтажный. Крыша крыта дерном. Кстати, не только красиво, но и тепло. Такая мохнатая зеленая крыша. Даже цветочки розовели. Рядом с домом — сарай и кузница. На заднем дворе еще один домик на сваях. То ли амбар, то ли еще что-то. Вся территория огорожена забором. Забор, надо заметить, хлипкий. Слабенький заборчик. Больше мне ничего рассмотреть не позволили. Выгнали.

Мужик попался злой. Он швырнул через ограду кусок заплесневевшего хлеба и что-то сказал. Судя по тону — нечто матерное. Еще и маршрут показал, куда мне следует валить, чтобы избежать неприятностей. Рука у него тяжелая, это сразу заметно. Да и топор, которым он лениво поигрывал, тоже оптимизма не добавлял. Ну ладно, благородный северный воин! Подавись ты своей краюхой!

И чего я туда полез? Черт знает. Ей-богу, как в старом анекдоте: «И чего полез? Все равно читать не умею». Просто монах, одаривший меня серебряной монеткой, был какой-то простой. Даже заносчивость у него привычная. Я бы сказал — обычная для служителей культа. Видимо, они нигде не меняются. Вот и подумал, что если монах не удивился, то и с другими местными проблем не будет. Да и простуда эта. Хреново было. Отлежаться бы где-нибудь в тепле и водки попить. С перцем. Ну и в баньку, конечно, сходить.

А теперь этот местный мастеровой гнал меня прочь. Да успокойся ты, нехристь, мать твою так! Ухожу. Я закашлялся и тяжело оперся на ограду. Мужик пришел в ярость. Он начал размахивать кулаком и грозиться. Нет, язык не норвежский. Хоть и похож. Я плюнул и ушел. Надо было валить отсюда, пока абориген собаку не спустил. Собака у него была. Здоровая, как лошадь. Похожа на ирландского волкодава.

Ушел не оглядываясь. Спиной чувствовал, что проводил меня кузнец взглядом, плюнул и забыл. Может, он и прав. Мало ли здесь всякой грязной швали болтается? Через час

добрался до небольшой речки. Мелкая, даже ног не замочишь. Она весело бежала по камням, направляясь в сторону моря. Берега покрыты кустарником и невысокими деревьями. Чуть погода нашлась и спокойная заводь. Здесь глубина приличнее. В общем — вам аккурат по пояс будет. Размером с бассейн в сауне. Вокруг росли кусты, и лишних глаз можно было не опасаться. Поднималась трава, обвивая большой валун, похожий на стол. Вот здесь и решил устроиться.

Первым делом взялся за сумку. Вывалил все на землю и начал перебирать. В голове была какая-то каша из мыслей. Я даже не мог вспомнить, что упаковывал перед поездкой.

На землю вывалился небольшой несессер с разными мелочами. Нитки, иголки. Зубная паста, щетка, опасная бритва и кусок мыла. Одеколон и дезодорант. Да, как вы, наверное, заметили, я предпочитаю старинную опасную бритву. Память от деда. Трофейная. Что еще? Бумажные салфетки. Пластырь и две пачки презервативов. Небольшие ножницы и десяток английских булавок. Зеркальце для бритья. Можно и не только для бритья, если вы любите физиономию в зеркало разглядывать. Стальная расческа. Кстати, стригусь я коротко. Нет, не налысо, но довольно коротко. Две пары нижнего белья, четыре футболки. Три пары носков. Легкий свитер и джинсы. Две черных банданы, запасной визир для шлема и запасной подшлемник. Полотенце. Бензиновая зажигалка. Литровая фляга с коньяком. Уже упомянутая аптечка. Пять-шесть бинтов, таблетки и разная мелочь вроде йода.

Покопался в карманах куртки: две одноразовых зажигалки, почти опустевшая пачка сигарет и бумажник. Документы, кредитные карточки и деньги. Негусто. Похоже на урок иностранного языка, да? Ну, извините.

Телефон исчез. Хотя... толку от него здесь, как от козла молока. Видимо, вылетел из заднего кармана брюк при аварии. Три шоколадных батончика. Пардон, уже два. Нож. Обычная финка с наборной рукоятью. Тоже память. Подарок от погибшего друга. Он был байкером. Как-то рванул в одиночный дальнобой и исчез. Его сожженное тело нашли неподалеку от Барнаула. Убийц вычислили через полгода. Помогли местные байкеры. В полицию не обращались.

Проблему решили и закопали. Нет, совесть меня не мучает, и кровавые мальчишки в глазах не стоят. Это я так, на всякий случай сообщаю. Если у вас вопросы появятся.

Еще один нож. Финский пуукко, купленный у народного умельца. Да, негусто с вещами! С другой стороны — куда было набирать? Я же не в дальнющей собрался, а так, прокатиться к одной знакомой дамочке. Тоже мне «беспечный ездок», черт меня побери!

Литровая банка с маслом. Это для байка. Я поморщился. Байк остался где-то там, в другом мире. Словно его и не было. Еще одна банка. Вот это, пожалуй, будет кстати. Банка размером с жестянку от тушенки была наполнена белым, похожим на топленое сало кремом. Это для кожаной одежды. Что бы ни говорили байкеры, но определенный процент понтов в кожаном наряде присутствует. Ну и износостойкость, конечно. Этот крем создан специально для байкерской одежды. Хорошо защищает от влаги. Коллега как-то привез из Англии. Да, надо браться за одежду. Здесь, как и везде, встречают по одежке.

Я разложил кожаную одежду и принялся наводить маршфет. Смыл глину, подсушил на солнце и начал втирать в кожу крем. Навел блеск, так сказать. Жилет стоял на камне и просто радовал глаз. Да, стоял. Как же иначе? Толщина кожи, как уже говорил, пять миллиметров. Его в трубочку не скрутишь. Изображение волчьей морды весело скалилось и, казалось, говорило: «Не дрейфь, Серега! Где наша не пропадала! Прорвемся!»

Через час все было готово. Одежда как новенькая. Вот это другое дело. Упаковал вещи. Теперь можно и за себя приниматься. Разделся, осмотрелся и, ежась от холода, полез в воду. Глубина была небольшая, да и вода немного прогрелась. Холодно, но терпимо. Не самый лучший способ выздороветь, но и грязным ходить не годится. Только вот кашель уже замучил. Смыл с себя грязь и выбрался на берег. Растерся докрасна, набросил одежду и прилег, поглядывая по сторонам. С сожалением выкурил последнюю сигарету и начал думать.

То, что я в каком-то ином мире, это понятно. Три луны на

небе просто так не появляются. Да и звезд знакомых не было видно. Мир, судя по всему, похож на наш. Даже что-то общее в развитии присутствовало. Если судить по серебряной монете, монаху с тонзурой и кузнецу. Похоже, но не более. Что именно — другая планета или параллельная реальность — понятия не имею!

Эпоха? Черт ее знает. Что-то смахивающее на Средневековье. И что это значит? А ничего это не значит! Надо было историю учить, а не за девушками бегать. Хотя бы знал, чего ожидать от этих... местных. Судя по двум аборигенам, душевной теплотой они не отличались. И скоро могли возникнуть проблемы. А как прикажете их решать, если под рукой нет калькулятора? Как какого? Того самого. Универсального. Калибра семь шестьдесят два. Творение товарища Калашникова.

«Плохо, Сергей Вьюжин, вы подготовились к этому путешествию», — сказал внутренний голос и был послан в эротическое путешествие. Голос заткнулся. Видимо, обиделся.

Помню, читал я одну книгу. Вот там все было просто и понятно. Хочешь в другой мир? Изволь! Вот время на подготовку, вот баулы для вещей и ящик для оружия. Бери сколько влезет. Хоть весь дом увози. А тут?

Байкер и Средневековье! Тоже мне романтика, понимаешь!

Нет, никаких диких истерик не наблюдалось. Лихорадочных метаний в стиле: «Да как же это так! Да что же это такое! Да нельзя же так с людьми!» — тоже не было. Влип, значит, будем устраиваться. По большому счету, есть ли тебе разница, Сережа, где травку топтать? В том-то и дело, что нет такой разницы. Что здесь, что там.

Только... Только вот мотоцикл жалко.

Пока я размышлял о своей «незавидной» судьбе, послышался скрип колес. Всхрапнула лошадь. Ну да, как же! Только местных сейчас и не хватало для полного счастья. Надо сматываться отсюда. Я набросил косуху, но убраться не успел. Шевельнулись ветки кустов, и на берег вышла девушка с корзиной.

Обычная светловолосая девушка. Можно сказать, симпатичная. Длинные волосы заплетены в тугую косу. На голове какой-то чепчик. Зеленоглазая, статная. Все приятные глазу

округлости на месте. Одежда? Дьявол меня раздери! Ну откуда я знаю? Платье. Женское. Не модельер и названий всех этих рюшек и фестончиков не знаю. Серое платье. На груди шнуровка. На поясе висят кожаный мешочек и нож. Хм... Надо заметить, что довольно приличный нож. Я бы не стал на такой бросаться. Можно таких дырок нахватать, что не обрадуешься. Мне почему-то показалось, что она умеет с ним обращаться. Но я на слово поверю и проверять не стану.

И тут она меня увидела. Застыла на месте, как вкопанная. Только глазами застреляла по сторонам. Нет, вот орать не надо! И убегать тоже! Я сейчас сам уйду!

— Ну и чего ты испугалась, дурочка? — мирно начал я.

Она что-то спросила, но я, естественно, не понял. Кстати, спокойно спросила. Не было в ее голосе ни истерики, ни страха.

— Я уже ухожу, — улыбнулся и выставил перед собой ладони.

Она с интересом прислушалась. Прищурилась и покачала головой. Что-то сказала. Коротко и мирно.

— Не понимаешь? — Я пожал плечами. — Ну тогда извини...

Поднял сумку и решил вежливо откланяться. Взял в руки жилет и замер. Девушка мне не ответила. Она уже не слушала. Стояла и не отрываясь смотрела на жилет. Ну да, судя по всему, байкеров никогда не видела. Откуда здесь байкеры, в средневековом захолустье? Но рисунок, изображенный на спине, приковал внимание. Намертво.

Она не отрываясь смотрела на волчью морду. Потом перевела взгляд на меня, и стало ясно и понятно: я опять влип. Влип в какую-то жутко неприятную историю. У меня даже холодок по спине прошел. Потому что такого ужаса, какой стоял в ее глазах, мне до сих пор видеть не доводилось. Это был взгляд смертельно испуганного человека.

4

Я не знал, что делать. Бежать — глупо. Но еще глупее — стоять и пялиться на эту бедную, до смерти напуганную девушку. Она, того и гляди, в обморок упадет. Глаза как две би-

рюзы, губы дрожат. Руки так сцепила, что побелели костяшки пальцев. Господи, чем так напугал?! Волком своим? Здесь что, волков не видели?! Очень я в этом сомневаюсь. Судя по собаке, живущей у кузнеца, они должны наличествовать в этом мире. Просто так волкодавов не держат.

Через несколько секунд послышался треск ветвей, и на берег вышел еще один персонаж. Дед. Дремучий, как и весь этот мир. Длинные седые волосы доходили до плеч. Аккуратно подстриженная борода и кустистые брови. Загорелое лицо напоминало мореный дуб или старинную бронзу. Хромой, но двигался быстро. Крепкий старик. Уважаю таких. Они и живут стремительно, и умирают стоя.

Одежда простая, под стать одежде девушки. Точнее — под стать этому миру. Коричневые брюки из грубой ткани и мягкие кожаные сапоги, достигающие до середины икр. Серая рубашка с распахнутым воротником. Сверху наброшен жилет из черной овчины. Широкий кожаный пояс с кошельком и двойными ножнами. Два ножа. Тот, который поменьше размером, похож на мою финку. Большой — вроде охотничьего кинжала с тяжелой гардой из желтого металла.

Кстати, креста на нем не заметил. Еще бы он здесь был! На шее у старика висел интересный амулет или оберег — кому как больше нравится. В форме ромба. Судя по всему — из серебра. Растительный орнамент, похожий на переплетенные листья. Металл потемнел от времени и потускнел. В середине виднелся грубый осколок черного камня.

Что, слишком быстро все разглядел? Работа у меня такая — на разные мелочи внимание обращать. Поэтому и замечаю все быстро. Работа... Где она теперь, эта работа?..

Дед что-то коротко сказал женщине, но меня (видимо, слепу) не заметил. Когда девушка не ответила, он понял, что дело нечисто, и оглянулся. Сначала слеповато прищурился, а потом разглядел меня, и ситуация повторилась. Да еще как!

Старик замер. Потом что-то невнятно прохрипел и попятился, словно увидел дьявола. Закрывая своим телом молодую женщину, он повторял какую-то короткую, как выстрел, фразу. Извините, я даже приблизительно не повторю. Я просто не понимал, что происходит и что мне сделать, чтобы они хоть немного успокоились.

Да, этот мужчина в прошлом был воином. Это заметно. Он был смертельно испуган, но не сломлен. Он закрывал собой женщину и готовился умереть, вцепившись в меня старческими руками. Он даже мертвым не отпустит. Нет, нам такие повороты ни к чему.

Улыбаться бессмысленно. Что-то говорить — тоже. Главное — не делать резких движений. Эти люди так напуганы, что лучше не провоцировать. Поэтому я спокойно надел жилет, застегнул его, взял сумки. Перекинул через плечо и повернулся, чтобы уйти. Уже подходя к кустам, оглянулся.

Старик как стоял, так с места и не сдвинулся. За его плечом застыла девушка. Как два каменных изваяния. Только лошадь, невидимая из-за кустов, коротко всхрапнула и зазвенела упряжью.

Из долины выйти не получилось. Вдали, между двумя горными хребтами, виднелся распадок. Я туда не дошел. Силы таяли, словно этот мир питался моей кровью. Шел, как сомнамбула, бесцельно переставляя ноги. Даже жилет не снял, хотя любой здравомыслящий человек спрятал бы эту одежду подальше, чтобы не пугать местных. Ведь убьют к черту, как исчадие ада. Брел по полю и пытался разложить ситуацию по полочкам. Получалось плохо.

Монах, увлеченный своим внутренним миром, даже не посмотрел на меня. Скользнул взглядом, и все. Поэтому и рисунка не заметил. Кузнец тоже не видел — жилет был испачкан в глине. Кто будет рассматривать грязного оборванца? Вы, люди, оставшиеся по ту сторону мира, часто смотрите на бомжей, бредущих по улице? То-то и оно. Вы брезгливо отводите глаза в сторону, опасаясь, что у вас попросят немного денег.

Сейчас я превратился в бомжа. Бездомного и безродного бродягу, угодившего в чужой мир. Хотелось жрать и спать. Зря я умывался. Судя по всему, начала подниматься температура. Ночи здесь холодные, а земля сырая.

Вскоре подошел к какой-то скале, которая высилась над окрестностями как сторожевая башня. Хищные у нее формы. Она похожа на клык. Каменная глыба высотой метров сорок. Нечто, похожее на якутские кигиляхи. Но их там много, а эта

скала была одиночкой. У ее подножия валялись обломки камней, росли деревья, перемешанные с кустами. По гранитной стене змеился зеленый плющ.

Подул ветер, и начало холодать. Я набрал дров, нарезал веток для постели и забрался поглубже в заросли. Хватит с меня встреч на сегодня. Надо отлежаться. И найти что-то пожрать. Срочно. На двух шоколадках и фляге с коньяком долго не протянешь.

Вечером я услышал вой волков. Впервые в этом мире. Значит, волки здесь есть. Живут, серые бестии. Я сидел у костра, кашлял и смотрел на огонь. Иногда проваливался в вязкое забытие, похожее на ужасный бред. Мне привиделись испуганная девушка и ворон. Большой черный ворон, сидящий напротив меня и ждущий моей смерти. На его левой лапе блестело серебряное кольцо. Блеск был таким ярким, что глаза не выдерживали сияния. Накатывалась тяжелая волна боли, и мир исчезал.

Рядом с ними сидел пес, похожий на исчадие ада. Размером с ирландского волкодава, но тело более мощное. Сильное, покрыто длинной черной шерстью с редкими серыми прядями. Они свисали по бокам ключьями и напоминали шрамы от удара охотничьим бичом. Все это венчала косматая голова с обрывками ушей и горящими глазами, которые светились холодным злым огнем. Широкие челюсти были плотно усажены острыми клыками.

Этот пес спокойно смотрел на меня и тоже чего-то ждал. Наверное, когда же наконец я сдохну! Попытался отмахнуться от этого видения, но оно, как липкая паутина, обвило мое сознание, унося в бесконечную темноту. Там даже костра не было видно. Он походил на маленькую звезду, сияющую на небе. На небе, освещенном светом трех лун.

Проснулся ближе к полудню. В совершенно разбитом состоянии и мокрый от пота. Ерунда какая-то. Так не бывает. Мне часто доводилось спать на земле, и ни разу после этого не болел. Даже банальная простуда для меня — это что-то из ряда вон выходящее. А тут возьми и свались. Накрыло, как мыша веником. Или это что-то необъяснимое, не подходящее под все земные понятия.

Я разжевал несколько таблеток, запил остатками воды и привалился к дереву. От дерева шел густой пряный аромат. Нечто похожее на запах сандала. Губы были сухими, а лицо пылало. Плохи твои дела, господин Выюжин. Очень плохи! Внутренний голос согласился с этим заявлением. Он, как видите, оказался закоренелым пессимистом. А я и не знал. Думал, он только баб оценивать умеет. И то — в «прикладной» форме.

Мысли путались. Что-то хреновый из меня попаданец получался. «Нет в тебе духа авантюризма», — ехидно заметил внутренний голос и умолк. Видимо, задумался о нашей общей и, увы, нелегкой судьбе. Надо было что-то делать. Еду искать, например. Я попытался встать и почувствовал, как сильно ослабел за ночь. В глазах мелькали огненные круги, а любое движение отдавалось тяжелым, раздирающим грудь кашлем. Приехали...

Через час я все-таки собрался и отправился дальше. Не подыхать же здесь, у этой скалы. К распадку, разделяющему горные хребты, добрался часа через три. Мое движение нельзя было назвать ходьбой. Я молча брел, не понимая, куда иду. Видел распадок вдалеке и двигался к нему. Не могу объяснить это состояние. Новый мир высасывал все силы. Словно вампир, дорвавшийся до моего горла. В ушах шумело, гулко стучало сердце. Бред...

Долина в этом месте сужалась. Начали появляться небольшие рощи и перелески. Луга сменились холмами предгорья. Тяжело дыша, я поднялся на очередную возвышенность и осмотрелся.

Прямо передо мной в небольшом распадке лежало озеро. Красивой овальной формы. На дальнем берегу виднелись ступени каменных террас, по которым бежал ручей. Он впадал в озеро десятком маленьких водопадов. На другом берегу стояла усадьба.

Два дома с «травяными» крышами и три хозяйственных постройки. Прочная изгородь из толстых жердей. Рядом с домом стояла оседланная лошадь. Невысокая, крепкая лошадка. Каурая, с длинной ухоженной гривой. По правую сторону от домов в большом загоне паслось еще четыре. Все как

на подбор — одной масти. Рядом с кобылкой терся маленький жеребенок. Чуть дальше — десяток белых овец на лугу.

Какая мирная картина, скажете вы. И окажетесь правы. Но мне было наплевать на эти пасторальные красоты. У меня имелась серебряная монетка, и думаю, ее должно было хватить, чтобы купить хлеба. Про жилет я даже не думал. Одна из сумок, переброшенная через плечо, частично закрывала рисунок, да и мне, если честно, было глубоко наплевать. Нет, не потому что я весь из себя такой крутой и храбрый. Болезнь доконала. Забыл и про жилет, и про вчерашнюю встречу с «радушными» аборигенами.

Я начал спускаться вниз. Шел медленно, пытаюсь собрать в кулак волю и оставшиеся силы. Сил оставалось немного. Они, как песок сквозь пальцы, утекали в эту, чужую для меня землю. Наконец добрался до ограды. Дошел, остановился и тяжело оперся на столб. Открылась дверь дома, и...

Черт бы тебя побрал, старик! Видит бог, я не хотел с тобой встречаться! И преследовать не собирался. В проеме мелькнула женская фигура, и за сторбленной спиной деда появилась та самая, испуганная мной женщина.

Ничего не скажешь — долго не виделись! Только на этот раз дедок оказался подготовлен. В руках был арбалет. Потемневший от времени, но все еще смертоносный.

Дед поднял оружие и что-то крикнул. Было в этом крике нечто... обреченное. Словно он прекрасно знал, что убить меня не получится, но и другого выхода не видел. И ведь точно стрелять собрался, Робин Гуд хренов! Свистнул арбалетный болт и вонзился в столб, на который я опирался.

Промахнулся...

— Ну что же ты так, старик? — зло оскалился я. — Хоть бы стрелял точнее!

Он что-то пробормотал, но как-то неуверенно. Так и стоял на пороге своего дома с разряженным арбалетом в руках. Словно ждал чего-то. Чего именно? Что я в драку полезу? Сомневаюсь, что это хорошая мысль.

Потом старик начал исчезать, словно уходил в плотный туман забытья. Нет, это мое сознание давало сбои. Краски потускнели, начали расплываться, и я сполз на землю. Нава-

лилась темнота, и этот проклятый мир перестал существовать...

Песня была красивой. Я слушал ее сквозь забытие. Не зная, ни где я нахожусь, ни что со мной будет. Но было спокойно. Несмотря на жуткий озноб, чередующийся с огненным жаром.

Песня лилась неспешно. И была чем-то чертовски знакома. Будто я уже слышал ее, и не один раз. В ней было все, чего можно ждать от этого сурового края. Тоска, надежда и готовность жить. Не знаю, о чем пела эта женщина, но мне кажется, про дороги. Дороги, которые разлучают людей, раскидывая их по суровым краям этого чужого мира. А может, как раз наоборот — про уютный огонь домашнего очага, когда за окнами бушует метель и беснуется северный ветер. Ветер дальних странствий, который не дает людям покоя. Во всех мирах и во все времена.

5

Не знаю, сколько я провалялся. Может, сутки, а может, неделю. В памяти мелькали какие-то скомканные эпизоды, обрывки, но ничего конкретного. Помню теплые женские руки, которые приподнимали мою голову, чтобы напоить. Отвар был горьким, но после него мне становилось легче. Я проваливался в темноту снов, словно в бездну. И спал. Без сновидений.

И вот наконец пришел в себя. Открыл глаза и долго смотрел в потолок. Значит, не зарезали меня хозяева, пока без сознания валялся. Спасибо. Это, как ни крути, давало какую-то надежду. Когда открыл глаза, было уже светло. Попробовал сесть — пусть и не сразу, но удалось. Слабый, как щенок. Неплохо меня накрыло. Откинул покрывало, сел и осмотрелся. В доме — никого. Не знаю, будет ли вам интересно выслушивать про интерьеры этого мира, но тем не менее расскажу. Лично мне — любопытно.

Комната оказалась довольно большой. Прямоугольной формы. Метров девять длиной и пять-шесть шириной. Два квадратных окна на фасаде. В боковых стенах — два узких

окошка, похожих на бойницы. Рамы больших окон разделены на девять квадратов и застеклены разноцветными стеклами. Сквозь них светило солнце, и в комнате царило какое-то милое, сказочное освещение. У противоположной от входа стены — сложенный из диких камней камин. Очаг, если быть точным. На массивном крюке висел котел, исходящий паром.

Пол в комнате был деревянным, из массивных широких досок. Выскоблен до белизны и, судя по всему, натерт каким-то составом. Вроде воска. Перед очагом, вровень с досками, выложен полукруг из плоских камней. Чтобы уголек, вылетевший из огня, пожара в доме не устроил.

С правой стороны от камина — подставка со щипцами, совком и кочергой. По левую сторону от очага — дверь. Судя по всему, там еще одна небольшая комната. Почему решил, что небольшая? Размеры дома прикинул. Когда смотрел на него с холма, заметил, что он квадратный. На стенах развешаны полки, сделанные из досок. Грубовато, но надежно. Комод и два сундука, окованных железными полосками. Рядом с комодом — люк с железным кольцом. Надо понимать, в погреб. Посередине комнаты стоял массивный стол, окруженный тяжелыми лавками. Кстати, крышу дома поддерживали две мощные колонны. Сантиметров пятьдесят в диаметре. Сделаны из бревен, но у основания окованы железными полосами. В отличие от всего остального, украшены очень тонкой резьбой. Дерево красивого красноватого оттенка. Не знаю по какой причине, но именно эти столбы были изготовлены очень аккуратно и, можно сказать, изящно. Я не сильный специалист по орнаментам, но какие-то кельтские мотивы присутствовали. По бокам колонн, примерно на высоте груди, виднелись закрепленные светильники из рога. В них были вставлены толстые свечи. Кстати, столбы — это единственные вещи в доме, которые оказались как-то украшены. Все остальное — голый функционал.

В общем, неплохо они здесь устроились. Дом чистый, ухоженный. На полу несколько шкур. Одна, самая большая — медвежья. Над очагом — рога, похожие на олени. Пахло хлебом, какими-то травами и копченым мясом. Принюхался, и рот заполнился слюной. В животе сразу забурчало.

Кстати, кровать, на которой лежал, поставили специально для меня. Мне так показалось. Две лавки были убраны в сторону, а сама кровать напоминала походный лежак. Что-то вроде раскладушки. Сверху брошены две или три шкуры и покрывало, сшитое из маленьких кусочков меха. Рядом с кроватью стоял трехногий табурет, а на нем кружка с каким-то зеленоватым отваром. Еще теплый. Облизал пересошенные губы и решил попробовать. Ничего так. На вкус напоминал чай с чабрецом.

Вся моя одежда лежала здесь же, на лавке. Сумки тоже. Даже злосчастный жилет, и тот здесь. Я кое-как натянул кожаные брюки, сапоги, толстовку и вышел во двор. У дверей лежал пес. Любят здесь волкодавов. Собака лениво оглянулась на меня, повела носом, зевнула и уронила морду на мохнатые лапы. Из вида не выпускала, но не рычала. И то дело. Погладить этого пса не решился и спустился на землю. Две ступеньки, ведущие в дом, это как раз то, что мне сейчас нужно. На большее сил не хватит. И так ветром качает.

Людей видно не было. В загоне паслись лошади. Я неторопливо добрал до угла дома и на берегу озера увидел деда. Он перебирал рыбу в корзинах. С ним было два ребенка. Хотя... Стоп!

Это не дети!!!

Эти два существа походили на гномов. Не знаю, как их описать по-другому. Ростом они едва доходили деду до пояса. Я как их увидел, так даже отшатнулся. Кто знает, как реагируют эти существа на мое присутствие.

Дед с этими гномами спокойно занимался обыденными делами. Улов делили. Серьезно. Гномы деловито сустились и со знанием дела шкерили рыбу, пока дед возился со снастями. Он даже покрикивал на них! Гномы лениво отмахивались, но работали быстро.

Как выглядели? А как могут выглядеть гномы? Обычные люди, только маленькие. Можно сказать — упитанные. Никаких привычных нам по сказкам красных колпаков на них не было. Рубашки, кожаные жилеты, доходящие до середины бедра. Мягкие сапожки. Ремень с ножнами. На спинах вид-

нелись треугольные капюшоны с длинными завязками. Эдакие средневековые башлыки.

Лица? Нет, ничего особенного. Разве что черты лица более грубые, чем у людей, и носы с горбинкой. Усы, борода, голова и два уха. Люди как люди. Только маленькие. У одного из них на левом ухе висела серебряная серьга в виде полумесяца. Судя по редким седым волосам — он старше, чем его напарник. Это было заметно и по фигуре (присутствовал пивной животик), и по поведению. Тот, который помоложе, постоянно говорил и довольно скалился. Его старшему напарнику это не нравилось. Он терпел, терпел, а потом взял рыбу за хвост и огрел приятеля по голове. Молодой даже на землю упал. Деда засмеялись. И большой, и маленький. Было интересно наблюдать, как они веселятся. Старый гном даже рыбу бросил. Согнулся от смеха и хлопал себя по коленям. Веселье они ребята, эти аборигены. Их бы в цирк — отбоя бы от клиентов не было.

Прошло несколько минут, и они закончили. Переложили рыбу травой и убрали улов в плетеные корзинки. Большую корзину взял старик, а две маленьких — его помощники.

Я отошел от угла и присел на ступеньки. Вроде только что вышел из дома. У меня что-то совсем в голове закружилось. Ладно, черт с вами, неведомые силы, которые забросили меня в этот мир как лабораторную крысу. Я понимаю — три луны. Я понимаю, черт бы его побрал, Средневековье! Но гномы — это уже слишком! Что еще будет?! Эльфы и тролли с гоблинами?!

Троица спокойно прошла мимо. Гномы с интересом покоились в мою сторону и с нарочито равнодушным видом отвернулись. Младший что-то неразборчиво буркнул, но получил подзатыльник от старшего и умолк. Обиженно шмыгнул носом, вытер его рукавом рубашки и поплелся за своим «начальником».

Дед проводил своих мелких приятелей до ворот, бросил осторожный взгляд на небо и вернулся. Осмотрел меня с головы до ног и, удовлетворенно кивнув, что-то сказал.

— Извини, дед, но я не понимаю, — покачал головой.

Старик поманил меня рукой за дом. Я кивнул и пошел за ним. Там оказалась небольшая площадка с навесом. Нечто

вроде беседки. Внутри стол и две лавки. Он приглашающе махнул. Садись, мол. Рядом с лавкой стояло деревянное ведро с водой.

— Спасибо. — Я присел и тут же почувствовал, как устал. Вроде и походил немного, но пот катил градом.

Старик кивнул и ушел в дом. Спустя несколько минут он вернулся с корзиной и начал накрывать на стол. Кувшин, две глиняные кружки, деревянные тарелки с вареным мясом, хлеб и какие-то грибы в миске. Судя по всему — соленые. В кувшине был травяной взвар с легким запахом меда. Деревянные ложки...

Ели мы молча. Несмотря на голод, съел я мало. Опасался нагружать желудок. Кто знает, сколько я провалялся без сознания? Дед искоса наблюдал за мной, иногда подбадривающе кивал. Подбадривал, но в его глазах было... Не знаю, как это объяснить. Так человек смотрит на опасного зверя, который взял кусок мяса из твоей руки. Вроде и покормил, но никто не даст гарантию, что хищник будет доволен и не вцепится в горло.

Нет, так дело не пойдет. Надо как-то договариваться. Эдак и не будешь знать — проснешься ты утром или захлебнешься во сне кровью из перерезанного горла. Мы молча пое-ли, и я начал устанавливать контакт.

— Хлеб, — показал ему ковригу и повторил: — Хлеб.

Старик понимающе хмыкнул и кивнул:

— Брейю.

— Хлеб.

— Брейю, — повторил он и показал мне нож, которым резал мясо. — Рийяль.

— Рий-яль.

Деду, видимо, понравилось обучение. Он зачерпнул из ведра пригоршню воды и показал мне.

— Камм.

— К-ам-м...

— Кувшин? — Я ткнул пальцем в посуду.

— Найяр, — перевел дед и постучал по глиняному боку. Потом показал пальцем в кувшин, погладил себя по животу и уточнил: — Ретт.

— Найяр, — повторил я и тоже постучал по глине.

Хлеб, нож, вода, кувшин и непонятный напиток из трав. Так с этих пяти слов началось мое обучение языку...

Как там называют этот способ обучения? Полное погружение в среду? Черт с ним, в среду так в среду. По мне, хоть в среду, хоть в субботу. Так или иначе, но через три недели я уже мог договориться с этим дедом. Нам философские споры ни к чему, а для бытовых тем слов уже хватало. Но я постоянно учил новые. Постоянно. Донимал деда как мог. В любую свободную минуту.

Что делал? Старику помогал. Он с каким-то удивлением смотрел, как я рублю дрова и ухаживаю за лошадьми. Кстати, лошадей люблю с детства. Я ведь не коренной москвич. Из понаехавших и оставшихся. Так что босоное детство, лошади охлюпкой и все такое. Потом были спортшкола и конкур. Я и сейчас с большим удовольствием выбираюсь куда-нибудь в частную конюшню, чтобы посидеть в седле. Точнее — выбирался. В том мире.

Так или иначе, но полным нахлебником у деда я не был. Колол дрова, убирал конюшню. Чистил лошадей. Помогал ставить ловушки для рыбы. Гномы, которых я видел, приходили один раз в пять-шесть дней. Пока мы с дедом ловили рыбу, эти мальцы сновали по двору и изображали жутко занятых помощников. Потом шустро потрошили рыбу и получали свою долю. Кстати, интересная вещь. Я не чувствовал от них никакого запаха, но волкодав рядом с ними чихал как заведенный. Он даже уходил от гномов подальше и демонстративно отворачивался, когда они пробегали рядом.

Куда делась молодая женщина, старик не сказал, а я и не спрашивал. И так ясно, отправил куда-нибудь подальше от этой непонятной нечисти с головой волка на жилете.

Эту тему дед не затрагивал. Но пока мы работали, он часто бросал в мою сторону хмурые взгляды. Было заметно, что моя персона его волнует, но что обсудать, если собеседник едва тебя понимает?

Разговор произошел примерно через тридцать дней. Когда я смог довести словарный запас до уровня пятилетнего ребенка.

— Хочу поговорить, — сказал я, когда однажды вечером закончили ужинать.

Дед как стоял у очага, так и замер. Медленно повернулся ко мне, плеснул тяжелым, как черная вода, взглядом и кивнул. Только щекой дернул.

— Давай поговорим.

— Сядем?

— Хорошо, — сказал он и вернулся к столу. Голос у него внезапно стал низким и хриплым. Он спокойно огладил бороду и кивнул: — Говори.

6

— Нет, не собираюсь забирать ваши души, — покачал головой я.

— Может быть и так. Кто знает, — спокойно заметил дед. — Дни наши сочтены не нами. Но я достаточно пожил на этом свете и видел всякое.

При этих словах он гордо прищурился и посмотрел куда-то вдаль. Он смотрел сквозь меня в свое прошлое. Его голос вдруг окреп и зазвенел сталью.

— И если ты заберешь мою, то я не расстроюсь. Да, потерять душу, это гораздо больше, чем просто умереть. Знаю, что будет больно, но я не боюсь. Я был воином. Знаю цену жизни и вкус смерти. Надеюсь, ты позволишь мне умереть с оружием в руках. Если так — буду очень благодарен.

— Пойми, мне не нужна твоя душа! И жизнь тоже не нужна!

— Тогда извини, не понимаю. — Он с легким недоумением посмотрел на меня. — Чего ты хочешь?

— Для начала расскажи еще раз про этот мир. Подробнее...

Мы долго говорили. Первые часы пролетели незаметно, но лишь подогрели мой интерес. И чем больше старик рассказывал, тем больше появлялось новых вопросов. Подчас я забывался и повторял одни и те же вопросы, но старик терпеливо отвечал.

Сиреневые вечерние сумерки сменила ночная мгла. На небесах зажглись незнакомые звезды. Чистые, как глаза ангелов на старинных фресках. И лишь протяжный волчий вой иногда нарушал величественную тишину этого мира. Тихо потрескивали свечи, вставленные в светильники.

Дед долго мялся, но потом все-же решился и поднялся из-за стола. Ушел в заднюю комнату и вынес футляр с большой картой, нарисованной на тонкой коже — пергаменте. Он убрал посуду, аккуратно вытер стол. И лишь потом бережно развернул карту. Если вы ее видели, то нет смысла описывать. Королевство состоит из пяти островов. Что касается остальных частей света, то старик лишь плечами пожал.

— Об этом надо спрашивать у тех, кто ходит в море, — ткнул он пальцем в обозначенный на карте город, который находился в южной части острова. — Они живут здесь, в Сьерра, и ходят на своих ладьях по миру.

— Торговцы?

— И торговцы, и разбойники. — Судя по выражению лица, особой разницы между этими людьми он не видел. Дед задумчиво посмотрел на огонь в камине и продолжил: — Мне не доводилось бывать в других странах. Все мои войны прошли на этой земле. Но мне рассказывали, что наш мир велик и многогранен.

Черт бы меня побрал, но этот старик темная лошадка! Карта была упакована в тубус из толстой кожи. На крышке вытиснен такой же знак, как у него на амулете. Карта, бьюсь об заклад, не самая дешевая вещь в этих местах. Я уже не говорю о качестве ее исполнения. Очень дорогая вещь. У обычного крестьянина? Очень сомневаюсь... Покосился на старика и отложил это в память. Потом подумаем.

Мир, в который я попал, как муха в варенье, оказался королевством. И называлось оно Асперанорр. Правил этими землями король Гэральд Третий.

Территория королевства лежала на пяти островах. Самый большой, на который я попал, находился на севере. На юге и юго-востоке — еще четыре острова, где младшие братья короля занимали посты младших правителей. Должность называлась «виернорр». Были еще и мелкие правители земель, вроде понятных нам баронов — «норры».

Кроме светской власти имелась еще и духовная. Влияние ее было незримо, но вполне ощутимо. Особенно в больших городах и при дворе. Духовная власть — это наставники и советники. Жрецы и жрицы местных богов. Кроме жрецов существовали простые служители, проповедники и странству-

ющие монахи. Монахов здесь называли «дюнк». Они бродили по миру и жили на подаяние. Один из таких бродяг мне и встретился на побережье. Кстати, дюнки не только монахи. Это еще и местные врачи. Целители.

Итак... Местные жители поклонялись четырем богам:

Бог моря — Хаббе.

Богиня солнца — Иллис.

Бог земли — Лейрн.

Богиня воздуха — Даггри.

И все эти местные боги считались равными между собой. Ведь именно их божественное соединение и позволяло существовать этому миру. Они наблюдали за людьми с вершин горных отрогов, лежащих далеко на севере. Боги жили там, где солнце никогда не покидало неба. И мир будет жить лишь в том случае, если люди станут уважать друг друга.

— Так завещали боги, — закончил старик.

— Ваши боги умнее наших, — сказал я.

— Люди не всегда поступают так, как они советуют.

— И в этом ты прав...

И все бы ничего в этой истории. В этой красивой легенде о четырех богах и холодных северных землях. Если бы не спустились с небес черные рыцари. С изображениями псов на своих черных доспехах. Рыцари Черных Псов.

— Почему ты меня не убил? — сменил я тему. — Когда пришел на твою землю. Ведь мог это сделать. Я был слабее щенка.

— Тебя? — искренне удивился старик. — Зачем? Ведь тогда придут твои братья и изведут весь мой род. Всех до одного. Лучше погибнуть одному, чем всем.

— Братья, — хмыкнул я. — Знать бы, где они бродят, эти «братишки», раздери их дьявол!

— Вы приходите вслед за огненным драконом, — начал рассказывать старик. Он немного растягивал слова, словно тянул суровую песню, которую слышал от своих далеких предков.

— Огненный дракон?

— Да. Так бывает всегда перед вашим появлением. Два года тому назад по небу пролетел огненный дракон — отец

земных драконов. Это значит, что его дети, владеющие этим миром, ослабли и не справляются.

— Его дети?!

— Драконы.

— У вас что, и драконы есть?!

— Конечно. Разве в твоём мире их нет?

— Пожалуй... — Я хмыкнул и вспомнил несколько персонажей. — Пожалуй, что есть.

— Драконы есть везде, — спокойно кивнул старик. — Но в нашем мире их осталось немного.

— Значит, я из тех, кто помогает драконам?!

— Можно сказать и так. Но драконы более милосердны, чем вы.

— Что?! Даже так...

— Они более человечны, — пояснил старик. — Живя среди людей, они становятся добрее. Конечно, со временем они стареют и дряхлеют.

— Разве они смертны?

— Да. Когда дракон становится старым, его должен убить молодой дракон. Тот, который займет его место. Но времена меняются.

— Что изменилось?

— Люди, — сказал старик. — Изменились люди. Они стали заманивать драконов в ловушки и убивать.

— Зачем убивать старого дракона, если он практически безвреден? — не понял я.

— Чтобы напиться крови. Ведь кровь драконов обладает волшебным свойством. В малых дозах — драгоценное лекарство. Всего несколько капель могут спасти смертельно раненного воина. Или облегчить страдания умирающего. Но только несколько капель! Если выпить драконьей крови из золотого кубка, то она обнажит самую главную сущность человека и усилит ее до невыносимых пределов.

— И что бывает после этого?

— Как ты понимаешь, Серж, те, кто пьет эту кровь, это не самые добрые люди нашего мира. Они живут в подлости и лжи. Высвобождая истинную сущность, они превращаются в нечисть. И приносят людям еще больше страданий и горя.

— Что это за нечисть? — спросил я.